

Рельеф постепенно понижался. Широколиственные красивые растения леса исчезли, сначала их сменили кустарники, потом и те пропали, появились суккуленты. Трехметровые кактусы возвышались среди причудливых камней, каждый ствол разветвлялся на семь голов, мясистые шеи были толстыми и длинными, а головы — величиной с тыкву, уродливые и одновременно величественные, словно воплощение многоглавого демона-змея из старинных преданий.

Пустыня наконец явила свой истинный облик. Она была красной. Песчаное море протянулось на тысячу девятьсот километров, образуя узкую, словно лента, безжизненную зону. Внешний край её граничил с Атлантическим океаном, и, пересекая серповидные дюны, можно было увидеть, как волны бьются о песчаный берег. Слои разрушенных скал были грубыми, изрезанными, древними, как обожженное солнцем лицо старика. Время обрело здесь свою колыбель, а солнце освещало высохшую кровь её первородной оболочки.

— Знаете, название «Намиб» происходит из языка нама, — с удовольствием рассказывал Дел, Овчарка, исполнявший роль гида в этом путешествии. — Изначально оно означало «место, где ничего нет». Но на самом деле здесь кипит жизнь. Во-первых, температура невысокая, особенно по сравнению с пустыней Калахари на той же широте. Зимой тут даже можно назвать погоду приятной, средняя температура около десяти градусов. Во-вторых, в этой пустыне есть русла рек. Если проехать через дюны, где они проходят, можно увидеть кустарники и траву, а у самой воды — даже деревья с золотистой листвой. Животных тоже много: антилопы, зебры, шакалы, гиены — все бегают вокруг, прелесть просто.

Чжэн Кэ, уставший слушать его болтовню, огрызнулся:

— Раз такие милые, иди поиграй с ними.

Овчарка указал вперед и закричал:

— Впереди сурикаты! Смотри!

Глаза Чжэн Кэ загорелись:

— Вау, какие милые!

Се Цюци промолчал.

Чжэн Кэ, возбужденно показывая в сторону животных:

— Цюци, сурикаты! Они же прыгают!

С этими двумя в машине царила оживленная атмосфера. Син Чжифэй тоже был доволен:

— В конце концов, мы же выбрались на природу, весело должно быть.

— Сколько еще ехать? — спросил Се Цюци у Овчарки.

Тот посмотрел на карту:

— Если без происшествий, завтра утром будем на месте. Рождество на носу, народу мало, дорога свободная. В сезон на этой трассе бывают и пробки.

Они ехали по очереди двое суток, почти пересекли Анголу с севера на юг. Все четверо вымотались и остановились на заправке, чтобы залить бензин и передохнуть. Чжэн Кэ купил в придорожном кафе сэндвичи и горячие напитки. Яйца в сэндвичах были нежными и

воздушными, бекон поблескивал жирком — для людей, несколько дней питавшихся консервами, это был настоящий пир.

Се Цюци захотел в туалет и попросил Чжэн Кэ присмотреть за машиной. Мужская уборная была частью кафе. Выйдя оттуда, он почувствовал запах хот-дога с горчицей. Сердце его дрогнуло — он вспомнил, что Чжэн Кэ любит хот-доги, — и он заказал один.

Хот-дог готовили на месте, и он уселся на барный стул ждать. Бармен, полный мужчина, любивший поболтать с путешественниками, спросил:

— Двести двадцать кванз. Вы же не местные? На носу праздники, а вы в дороге. Куда путь держите?

— В Уфупу, — ответил Се Цюци, взял с полки зажигалку. — А это сколько?

— Восемьдесят, — бармен дал сдачу. — Советую вам здесь переночевать. Скоро песчаная буря будет. До Уфупы ещё полдня езды, вы не успеете. Если по дороге попадёте в бурю — до смерти, может, и не добьёт, но мало не покажется.

Се Цюци последовал его взгляду к старому телевизору, где внизу экрана бегущей строкой шёл прогноз погоды.

Он улыбнулся:

— Спасибо, как раз собирался погоду проверить.

В этот момент над дверью прозвенел колокольчик, и в заведение вошёл старик в кожаной куртке. Спина его была сильно сгорблена, будто от болезни позвоночника. Пройдя от двери не больше пяти шагов, он несколько раз бросил взгляд в окно. Подойдя к стойке, он остановился и присел рядом с Се Цюци.

Бармен приветливо поздоровался:

— Доброе утро, чем могу помочь?

Старик, всё ещё поглядывая на улицу, хрипло ответил:

— Американо, без молока, без сахара.

Се Цюци не шелохнулся, лишь слегка нахмурился. От этого человека пахло кровью.

Краем глаза он глянул вниз, на руку старика, засунутую в карман. Из-под манжеты выглядывали красные следы от верёвки. Из-под расстёгнутой куртки виднелся край рубашки — местами красный, местами серый. Красное пятно, казалось, было жидким, оно уже просочилось на верх брюк.

Уж точно не от разлитого кетчупа, подумалось ему.

Бармен повернулся готовить кофе. Старик медленно вынул руку из кармана. Крошечный пистолет упёрся в бок Се Цюци.

Тот замер. Старик тихо прошептал:

— Не бойся, я не хочу тебя ранить. — По голосу было слышно, что он сдерживает одышку. — За

мною гонятся. Выведи меня отсюда, я заплачу.

Выражение лица Се Цюци не дрогнуло:

— А если не помогу?

Старик, видимо, не ожидал, что юноша в расцвете лет так мало ценит жизнь, и тут же понял, что нарвался на серьёзного человека. Он уже собрался отступить, но преследователи нагнали. Снаружи чёрный внедорожник с визгом шин резко затормозил у входа в кафе. Эта вызывающе лихая выходка и пронзительный звук тормозов моментально привлекли внимание всех в зале.

На лице старика мелькнула паника. Се Цюци, не выдержав, быстро толкнул его в тень под стойкой:

— Спрячься. Ни звука.

Едва он успел это сделать, как внутрь ворвались двое. Два здоровенных верзилы, открыто размахивая оружием, распахнули дверь. Уборщица у входа уже открыла рот для приветствия, но, увидев два автомата G36, побледнела и отпрянула назад.

Они ничего не сказали. Войдя, тут же пару раз выстрелили в потолок и заорали:

— Старика видели?! Где он?!

Се Цюци, хоть и знал, что в таких местах, как Ангола, с законом и порядком туго, но чтобы вот так, среди бела дня, в людном месте стрелять — такое тоже редкость. Сжимая в руке пакет с хот-догом, он притворился перепуганным и отступил к стойке, прикрывая собой старика.

Убийцы начали обходить столики, допрашивая людей. Кто-то в страхе мотал головой, стараясь вжаться под стол; отец с ребёнком тихо всхлипывал, на все вопросы отвечая только «не знаю»; одна официантка, наконец, выдавила: «Ка-кажется... вроде видели старика... только что тут был...» — но больше ничего внятного сказать не смогла.

Второй убийца подошёл к Се Цюци:

— Ты подозрительного кого видел?

Се Цюци молча покачал головой, руки, сжимавшие бумажный пакет, слегка дрожали. Убийца, решив, что тот просто струсил, презрительно скривился, легкомысленно потрогав его за щёку:

— Красавчик, если врёшь, я тебе своей «большой пушкой» задницу продырявлю, ясно?

Се Цюци с трудом сдержал гнев, лицо его оставалось неподвижным.

Убийца, решив, что имеет дело просто с трусом, плюнул и пошёл прочь.

Рука Се Цюци, сжимавшая пакет, слегка расслабилась. Он уже начал опускать голову, как вдруг шаги резко вернулись.

Тот же убийца наставил на него ствол, ткнув в край его футболки:

— На тебе кровь! Врёшь! Говори, где он!

Только сейчас Се Цюци заметил, что на футболке в самом деле появилось пятно крови.

Наверное, старик задел его, когда садился рядом.

Напарник убийцы тоже подошёл, нависая над ним:

— Раз... два... На трёх стреляю, если не скажешь!

Се Цюци, действуя на опережение, выхватил пистолет из-за пояса и выстрелил в них. Первая пуля попала точно в лицо ближайшему убийце. Тот с грохотом рухнул на пол, схватился за лицо и завыл, как подраненный кабан. Его напарник успел уклониться от второго выстрела и, увидев, как у товарища лицо превратилось в кровавое месиво, в ярости выпалил в Се Цюци:

— Жизнью ответишь!

Се Цюци швырнул ему в лицо бумажный пакет. Пуля разорвала его, жёлтая горчица с хлопком разбрызгалась, обжигая глаза убийцы едкой жидкостью. Тот, ослеплённый, не разбирая цели, начал палить во все стороны.

Воспользовавшись моментом, Се Цюци упёрся одной рукой в стойку и перекувыркнулся через неё. Пули просвистели у него под ногами, прошив ряд стаканов на стойке. Стекло с оглушительным треском разлетелось на осколки! Яркие вспышки выстрелов отразились в зеркалах, озарив всё кафе.

<http://bllate.org/book/15957/1426937>